

МОЯ ЛЮБИМАЯ КНИГА

Артемова Дарья,
победитель конкурса
«Покори Воробьевы горы»

Моя любимая книга. Тема заставляет задуматься и рассказать не только о книге, но и о себе. Какую книгу можно назвать любимой? Пожалуй, ту, которая волнует больше всего. Еще год назад роман Ф. Достоевского «Преступление и наказание» вызывал у меня состояние безысходности и отчаяния. Помню тот день, когда я перевернула последнюю страницу. Тяжелое, грустное чувство охватило меня, и целый день преследовали грязная комнатуха Раскольников, нерадостные мысли. Становилось особенно невыносимо от понимания того, что это и наша действительность тоже.

И вдруг крутой вираж, и роман Ф. Достоевского стал понятен и интересен. Пока ни один писатель не смог заинтересовать меня больше. В чем причина? Наверное, в том, что наше время – время переоценки и идей, и идеалов, и нравственных устоев, и эстетических аксиом. Это не могло не коснуться русской литературы. Листаю «толстые» журналы.

Вот Виктор Ерофеев отвергает ценности русской классики: «Основным пафосом её было спасение человека в человеке. Это неподъемная задача, и русская литература... не справилась с ней».

Вот Валерия Новодворская витийствует: «Мне показалось, что в лицо мне дышит депрессивная русская литература, наша болотная великая классика».

Но ведь личность измеряется прежде всего мерой постижения, мерой понимания, мерой сочувствия и сопереживания. А русская классика всегда умела это делать.

Сегодня, когда многое в русской литературе прошлого переосмысливается и переоценивается, важно уметь прочесть или перечитать изученное произведение под иным углом зрения, включить другой контекст. Таким толчком для меня оказался спецкурс по литературе «Творчество Ф. Достоевского». Под руководством учителя мы измеряли изученное в 10 классе мерой инакомыслия,

другой точки зрения, принципиально другого подхода. И Ф. Достоевский стал любимым, а его роман «Преступление и наказание» откровением.

Мне запомнились слова учителя, который сказал, что можно не любить С. Есенина, но нужно понять его. У вас могут быть, учила она нас, другие ответы на вопросы жизни, чем у Льва Толстого, но при этом вы должны разобраться в тех ответах, которые дает писатель. Своя позиция, своя точка зрения, свой взгляд на произведение, на творчество писателя, возможны лишь на фундаменте знания произведения и творчества писателя. На тех уроках я поняла, что роман Достоевского не только об убийстве, он обо всех нас, в том числе и не убивающих. Конечно, больше всего меня восхитила Соня Мармеладова. Вечная Сонечка. Вечная страдальца. Своей любовью она спасла Раскольникову и поделила его тяготы на далекой каторге. Эта любовь и преданность просто поразили, потому что в наше время тяжелого рока и «чернухи» из видеозалов встретить такую любовь очень трудно. Вывод однозначен: притягивает человекоутверждающее, душеукрепляющее, позитивное начало книги.

Да и сама история Раскольникову меня буквально потрясла. Это тот случай, который с очевидностью показал, насколько преступление не соответствует человеческой природе. Мне все время мерещится неправдоподобие: Раскольников - убил? Соня – проститутка? Автор сломал стереотип моего мышления: преступление не всегда совершают худшие. В его трактовке мир не делится на преступников и хороших людей. Раскольников был сострадатель. Раскольников искал правды и – вдруг убил... Лишенный воли, может, потому и убил, что липкость и тошнотворность убийства как бы и не коснулись его души. Тогда почему я чувствовала животный страх, когда читала сцену убийства? Наверное, потому, что Достоевский показал «ис-ступление» человека за границы человеческой природы. Древние хорошо знали природу этого состояния ужаса и культивировали его в трагедии. Я тоже чувствовала себя немым зрителем этой сцены и пережила трагические чувства. Вот так русская классика помогает постичь бытие и смысл человеческой жизни. И это запоминается.

Именно эта книга открыла непонятную мне до этого тему «каиновой пе-

чати», господнего знамени, охраняющего убийцу от другого наказания, кроме изгнанничества и одиночества. Я пережила миг потрясения. Ведь эта тема доминирует в «наказании» героя. Его наказывают не муки совести, а двузначная печать Каина: отлучен от общества людей («как будто ножницами отрезал себя от всех и от всего») и надежно охраняется от преследования (хотел умереть, бросившись в воду, но спасается от смерти «безобразным видением»: пьяная баба на мосту пыталась утопиться). Только три человека видят эту печать на нем: следователь Порфирий Петрович, блудница Соня (к ней Раскольников пытается пробиться из своего жуткого одиночества) и самоубийца Свидригайлов («Мы с вами одного поля ягоды»). Общая точка соприкосновения есть у Раскольникова и Свидригайлова: оба несут Каинову печать. Раскольников ощутил это как бесконечное одиночество, бесконечное отвращение и великую грусть, Свидригайлов как «скуку» и «комнату с пауками».

Три человека видят Каинову печать, и все трое не судят его. Не осуждать – это особый способ понять человека. И Достоевский научил меня этому. Задача Порфирия Петровича «математически ясно» раскрыть преступление, прежде всего, самому преступнику, но судьей ему не быть. Свидригайлов не судит, потому что не осуждает уже ничего на свете. Соня в каждом человеке видит судью себе по причине «собственной бесконечной греховности». Соня – падшая и сознание этого выжгло в ней всякую гордыню. Она не может допустить себя до осуждения кого бы то ни было. Ах, как это важно!

Но открытием стало название романа. «Сколько слов в названии романа? Определим смысл романа по названию», – с такого необычного вопроса начался тот удивительный урок. А дальше как прозрение: преступление – это переступание через какую-то черту. И вот уже приходит понимание, что предел – это то, что переступить нельзя. А Достоевский замыслил своё произведение так, чтобы человечество ощутило себя на глубине падения и оттуда, из бездны, смогло сказать Богу *да* или *нет*. Помню, как поразило меня, что такую мыслительную задачу классика можно сопоставить с описанием первого убийства в истории человечества: «И принес Каин от плодов земли дар Господу. И Авель

также принес от первородных стада своего». Удивило и другое: приносить дары Богу – значит быть сострадательным, проявлять любовь к ближнему. Тут же возник вопрос: «А сострадателен ли Раскольников?». Конечно. Он помогает чахоточному университетскому товарищу. Когда тот умер, ходил за его отцом, потом похоронил. Из пожара вытащил двух детей. Его отношение к невесте было даром сердца, любовью-жалостью. Но почему тогда Господь не принимает его дары? Ответ на поверхности, но почему-то раньше прошел мимо. А теперь все стало на свои места: герою постепенно открылись беды и ужасы жизни и коснулись его сердца, и «сердце стало злое». «Озлился я», - скажет он Соне. Вот оно, ещё одно откровение! Достоевский показывает, что уже до совершения преступления поражаются основные способности души. По христианскому учению она трехчастна и триедина: ум, чувство, воля. Но естественное чувство жалости у Раскольникова перешло в возмущение несправедливостью мира, и чувство превратилось в страсть. Озлобление сердца, огорчение чувства привело к порабощению ума, то есть создало ту горькую почву, на которой проросла злая мысль. Не об этом ли уязвленном состоянии души говорит Свидригайлов: «Разум-то ведь страсти служит». Ум порабощается злыми страстями, и от него остается только рассудок, логика. Герой надеется, что это непомерное давление выдержит воля, - и ошибается. Происходит насилие помысла над огорченной душой. Вот он, ответ: преступление Раскольникова началось не с мыслей и даже не с теории (палач я или жертва) – с чувства! Злого сердца! Да и жертва была выбрана по злему чувству: «Увидев старуху в первый раз, он почувствовал к ней непреодолимое отвращение». На каком основании, по какому праву, господин Раскольников? До того, как убил, герой перешел предел внутри себя. Воля сломана, произошло крушение души. И слова подслушанного диалога студента и офицера в трактире пали на подготовленную почву. Раскольников готов к преступлению.

А потом было настоящее открытие. Оказывается и слово «и» в названии романа имеет определенное значение.

«И сказал Господь Каину: где Авель, брат твой?». Почему всеведущий

Господь спрашивает об убитом брате? Ведь он и так знает, что произошло. Что следует за преступлением в романе? Вывод, к которому я пришла, изумил: за преступлением следует не наказание, а призыв к покаянию (перемене мыслей). Каин лжет: «Не знаю, разве я страж своему брату?». Вот оно, помрачение ума! От Бога – призыв к покаянию. От человека – безумное его отвержение. И весь роман, кроме первой главы и эпилога, - это призыв к покаянию. Призыв «хитроумного» Порфирия Петровича. И «вечной» Сонечки. По существу, весь роман – это путь Раскольникова к покаянию – перемене мыслей.

А в чем же тогда наказание? Что значит это слово? Кара, месть, возмездие. Не так в древнерусском языке, не так и древнееврейском. Наказание – это наказ, что делать, чего не делать. Каков тогда смысл наказа? Найти дорогу к Богу? Раскольников взял Евангелие и... положил его под подушку. Не открыл! А гениальный Достоевский заканчивает роман потрясающей фразой: «Но это тема другого романа, а эта история закончена». В других его книгах герои находят дорогу к Богу.

А что же тогда «наказано» Раскольникову? В последнем разговоре об этом скажет Порфирий Петрович: «Я поконченный человек, а... вам, Родион Романович, Бог жизнь приготовил». Вот он, ответ на все вопросы: жить наказано! Чтобы мысли переменить и отказаться от своей чудовищной теории. И Раскольников понял ошибку своего сердца. В последнем сне. Вот тогда он ощутил свое преступление как вселенскую вину. И наступила перемена мыслей. Сердце покинула злоба.

Вот тут неплохо бы вспомнить чеховского человека с молоточком. У Антона Павловича Чехова нет апелляции к высшим материям, будь то христианские идеалы, гуманистические устремления или голос совести. Это нужно, по его мнению, тебе самому, это в твоих интересах. Не так ли и Достоевский, не обольщая себя, не к совести читателя взывает, а предупреждает, к чему неминуемо придет человечество, если каждый будет только за себя и для себя, если каждый будет считать, что «в нем одном и заключена истина».

Сегодня, когда многие глухи к нравственной проповеди, когда падает до-

верие к авторитетам самих проповедующих, такой подход – напомнить о благоразумии, предостеречь от эгоизма – представляется особенно важным.

А книга может ответить на те вопросы, которые ставит жизнь. И вот когда это случается, она становится любимой. Потому что научила видеть прошлое. И помогла понять: в мыслях можно исправить то, что было вчера плохо. Сегодня я уже стану от этого лучше.